

УДК 34

DOI: 10.34670/AR.2023.48.38.046

Новеллы законодательства об ответственности за преступления террористической направленности, совершаемые ненасильственными способами

Курдуков Андрей Николаевич

Аспирант,
Уральский государственный юридический университет,
620137, Российская Федерация, Екатеринбург,
ул. Комсомольская, 21;
e-mail: porayko@mail.ru

Аннотация

Автором рассмотрены новеллы Уголовного кодекса Российской Федерации, включенные в него в феврале 2022 года. Автор обосновывает, что криминализованные статьями 207.3, 280.3 и 280.4 УК РФ деяния относятся к числу преступлений террористической направленности. В статье также был проведен анализ проблем квалификации деяний по статьям 207.3 и 280.3 УК РФ, и внесены предложения по их дальнейшему совершенствованию. Автор считает необходимым отказаться от использования административной преюдиции в ст. 280.3 УК РФ по причине значительной общественной опасности охватываемых ее нормами деяний, а также невысокого превентивного потенциала и противоречия положений данной статьи принципам уголовного права. Также предложено криминализовать публичные действия, направленные на дискредитацию использования в названных в ст. 280.3 УК РФ целях союзнических по отношению к нашей стране вооруженных сил иных государств, а также добровольческих военизированных формирований. Аналогичные дополнения автор полагает целесообразным внести и в ст. 207.3 УК РФ. Кроме того, высказана рекомендация Верховному Суду РФ в как можно более сжатые сроки подготовить и опубликовать разъяснения по вопросам квалификации деяний по статьям 207.3, 280.3 и 280.4 УК РФ.

Для цитирования в научных исследованиях

Курдуков А.Н. Новеллы законодательства об ответственности за преступления террористической направленности, совершаемые ненасильственными способами // Вопросы российского и международного права. 2023. Том 13. № 1А-2А. С. 360-367. DOI: 10.34670/AR.2023.48.38.046

Ключевые слова

Преступления террористической направленности, специальная военная операция, ложная информация, дискредитация, Вооруженные Силы Российской Федерации.

Введение

В настоящее время одно из центральных мест в сфере обеспечения безопасности занимают криминальные посягательства террористической направленности, которые в 2022 году приобрели качественно иную окраску. Злоумышленники стремятся подорвать доверие к органам государственной власти, разобщить общество и посеять в нем атмосферу страха.

Необходимо отдать должное законодателю, который довольно оперативно среагировал на новые угрозы. В этом смысле абсолютно правы И.Я. Козаченко и Д.Н. Сергеев, подчеркивающие, что «уголовная политика и криминализация как ее часть – прямое отражение политического режима и расстановки политических сил. Чем более сформирован баланс политических сил в том или ином государстве, тем меньше иррационального в криминализации» [Козаченко, Сергеев, 2020, 28].

Основная часть

4 марта 2022 г. был принят Федеральный закон № 32-ФЗ, дополнивший Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (далее – УК РФ) рядом статей, а именно: ст. 207.3, ст. 280.3 и ст. 284.2. Первые две из указанных норм в настоящее время действуют в редакции Федерального закона от 25 марта 2022 г. № 63-ФЗ. Еще одна новелла – ст. 280.4, введена в числе прочих в УК РФ Федеральным законом от 14 июля 2022 г. № 260-ФЗ. Есть все основания утверждать, что криминализованные статьями 207.3, 280.3 и 280.4 УК РФ деяния относятся к числу преступлений террористической направленности. Перечисленным деяниям свойственны ненасильственные способы совершения, однако это ни в коем случае не нивелирует их террористическую направленность и не снижает степень и характер их общественной опасности.

Основной мишенью терроризма в конечном итоге выступают общественные отношения в сфере обеспечения общественной безопасности, безопасности человечества и мирного сосуществования государств. Так, ст. 207.3 УК РФ размещена законодателем в Главе 24 УК РФ в числе составов преступлений против общественной безопасности, а статьи 280.3 и 280.4 УК РФ – в Главе 29 УК РФ, объединяющей составы посягательств на основы конституционного строя и безопасности государства. Квалифицируемые по «террористическим» статьям уголовного закона деяния направлены не только на дестабилизацию работы международных организаций, государственных органов и органов местного самоуправления. Деятельность террористов нацелена на то, чтобы, посредством нагнетания атмосферы страха, изменить существующий порядок мироустройства.

П. «е» ст. 3 Федерального закона от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» прямо называет в числе форм террористической деятельности распространение материалов или информации, обосновывающих или же оправдывающих необходимость осуществления террористической деятельности. Совершая предусмотренные статьями 207.3, 280.3 УК РФ посягательства виновный препятствует реализации целей по защите интересов нашей страны и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности. Следует согласиться с Л.Л. Грищенко, по мнению которого за последние два десятилетия терроризм приобрел качественно иную окраску. «Сегодня мы имеем дело с терроризмом на государственной основе, а именно терроризмом, формируемым, подготавливаемым ... в отношении населения России» [Грищенко, Измайлов, 2022, 109].

В свою очередь, на принадлежность ст. 280.4 УК РФ к числу преступлений террористической направленности косвенно указывает то, что законодатель в диспозиции данной статьи счел необходимым прямо обозначить необходимость отграничения криминализуемых в ней деяний от типичного «террористического» состава статьи 205.2 УК РФ.

Практика применения статей 207.3, 280.3 и 280.4 УК РФ только формируется, однако уже сегодня можно говорить о наличии определенных трудностей в трактовке содержащихся в них норм права. Ключевым для понимания объективной стороны предусмотренного ст. 280.3 УК РФ преступления и однородного с ним административного правонарушения следует признать термин «дискредитация». Сложность трактовки уголовно-правовой сущности данного термина состоит в том, что ранее он не использовался в тексте уголовного закона. Соответственно, нет возможности опереться на те или иные устоявшиеся позиции, выработанные правоприменителем или же сформированные в доктрине. Вместе с тем, за истекшее с момента принятия анализируемых новелл время высказан ряд заслуживающих внимание предложений.

Шамаев А.М. и Болобан М.Л. исходят из того, что под действиями по дискредитации необходимо признавать «любые публичные действия, противоречащие официальной позиции России» [Шамаев, Болобан, 2022, 188]. Кушхов Х.Л. и Мухтаров Д.Д. выражают сходную позицию применительно к 207.3 УК РФ. По мнению ученых, «фейком считается любая информация, не соответствующая официальным данным России и российских властей» [Кушхов, Мухтаров, 2022, 83]. По этому же пути идет и правоприменительная практика [Свердловское УФСБ объяснило..., www].

Отметим, что ст. 280.3 УК РФ сконструирована законодателем с использованием административной преюдиции – виновное лицо может быть привлечено к уголовной ответственности по ее нормам лишь при условии нахождения в состоянии административной наказанности за совершение тождественного административного правонарушения, которое очерчено годичным сроком. Статье 280.3 УК РФ корреспондирует статья 20.3.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (далее – КоАП РФ), которая имеет идентичные наименование и содержание с той оговоркой, что предусмотренные ее нормами действия не содержат признаков уголовно наказуемого деяния.

Сторонники административной преюдиции в уголовном законе на первый план выдвигают аргумент, согласно которому преюдициальные нормы УК РФ обладают значительным превентивным эффектом. Лица, привлеченные к административной ответственности, будучи осведомленными о том, что повторное совершение аналогичного деяния повлечет применение к ним мер уголовно-правового воздействия, воздерживаются от дальнейшей противоправной деятельности.

Применительно к анализируемому деянию данное утверждение видится довольно спорным. Так, на протяжении истекшего с момента ее появления в законодательстве времени ст. 280.3 УК РФ активно применяется на практике. Случаи привлечения к уголовной ответственности по нормам данной статьи далеко не единичны, что позволяет говорить о весьма слабом превентивном потенциале рассматриваемых новелл.

В иных обстоятельствах оценка рассматриваемого поведения вполне бы ограничилась его характеристикой как девиантного, отклоняющегося от общепринятых норм социального поведения, или же как делинквентного, пресекаемого нормами административно-деликтного законодательства. Однако, в чрезвычайных условиях развития социума степень и характер общественной опасности названных деяний таковы, что они должны пресекаться исключительно уголовно-правовыми средствами без использования в соответствующих нормах

конструкции административной преюдиции.

Нельзя забывать и о том, что сама по себе конструкция административной преюдиции в уголовном праве противоречит принципам УК РФ, в частности, принципу законности, принципу равенства граждан перед законом и принципу справедливости. Так, например, в настоящее время два лица, совместно вышедшие на пикет с содержащим дискредитирующую Вооруженные Силы РФ информацию плакатом, понесут различную ответственность при условии, если одно из них менее года назад привлекалось к административной ответственности за схожее деяние. Другими словами, два лица совершили одно и то же деяние, но одно из них будет привлечено к ответственности по ст. 280.3 УК РФ, а второе – по ст. 20.3.3 КоАП РФ. Полагаем, что такая юридическая оценка подобных ситуаций вызывает немалые вопросы с позиций принципов уголовного права.

Основываясь на приведенных аргументах, представляется необходимым рекомендовать законодателю пересмотреть содержание ст. 280.3 УК РФ посредством отказа от приема административной преюдиции и, соответственно, признать утратившей силу ст. 20.3.3 КоАП РФ. Думается, что только реальная угроза неотвратимости уголовного наказания возымеет должное предупредительное воздействие на лиц, склонных к активному выражению своей антигосударственной позиции.

Юридическая ответственность наступает за противоправные действия по дискредитации Вооруженных Сил и государственных органов Российской Федерации лишь при условии публичности данных действий. Уголовно-правовое содержание данного признака, как представляется, в настоящее время следует трактовать исходя из тех рекомендаций, которые сформулированы Пленумом Верховного Суда РФ в пунктах 4-6.2 постановления от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности». Совершая оговоренные в ст. 280.3 УК РФ публичные действия, виновный стремится дискредитировать Вооруженные Силы Российской Федерации и государственные органы Российской Федерации в глазах иных лиц, сформировать несоответствующее действительности, негативное отношение к использованию данных субъектов в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности. В целом, учитывая злободневность вопросов применения статей 207.3, 280.3 и 280.4 УК РФ на практике, необходимо рекомендовать Верховному Суду РФ в как можно более сжатые сроки подготовить и опубликовать разъяснения по квалификации деяний по названным статьям уголовного закона.

Применительно к объективной стороне предусмотренного ст. 280.3 УК РФ преступления необходимо также отметить следующее заслуживающее внимание обстоятельство. На практике при достижении поставленных перед ними целей российские Вооруженные Силы и государственные органы находятся в активном сотрудничестве с вооруженными силами иных государств, а также добровольческими военизированными формированиями. Есть все основания полагать, что публичные действия, направленные на дискредитацию союзнических по отношению к нашей стране формирований, представляют не меньшую общественную опасность, чем действия, охватываемые нынешней редакцией ст. 280.3 УК РФ. Подобные действия ставят под сомнение задачи, решаемые Вооруженными Силами РФ, а также потенциально способны вызвать социальное недовольство внутри нашей страны. Законодателю следует учесть эти важные замечания в ходе дальнейшего совершенствования как статьи ст. 280.3 УК РФ, так и ст. 207.3 УК РФ.

Напротив, избыточной выглядит встречающаяся в научной литературе рекомендация законодателю прямо распространить уголовно-правовую охрану от дискредитации на

«деятельность подразделений Войск национальной гвардии и МВД России» [Шамаев, Болобан, 2022, 188]. Аналогичные предложения высказывались и применительно к ст. 207.3 УК РФ [Бугера, Лихолетов, Лихолетов, 2022, 27]. Действующие редакции ст. 280.3 и ст. 207.3 УК РФ уже сегодня позволяют привлекать к уголовной ответственности лиц, виновных в дискредитации названных государственных органов, а равно виновных в распространении ложной информации об их использовании при наличии всех иных предусмотренных данными статьями признаков.

Предусмотренное ст. 280.3 УК РФ преступление характеризуется прямым умыслом. Совершая указанные в ее дефиниции противоправные публичные действия, находящийся в состоянии административной наказанности за совершение аналогичного правонарушения виновный предвидит реальную возможность наступления и желает наступления общественно опасных последствий своих действий, выраженных в дискредитации использования Вооруженных Сил РФ, а равно дискредитации исполнения государственными органами Российской Федерации своих полномочий за пределами территории Российской Федерации в указанных в данной статье целях.

Наибольшие сложности на практике связаны с ограничением деяний, наказуемых по ст. 280.3 УК РФ, от деяний, подпадающих под действие ст. 207.3 УК РФ. Квалифицируемое по ее нормам распространение клеветнической информации имеет своими целями подрыв общественной безопасности, падение авторитета государственной власти, общественный резонанс, подталкивающий население к участию в несанкционированных антивоенных и антиправительственных акциях.

В некотором смысле распространение фейков представляет собой предикатное преступление, продуцирующее совершение иных противоправных, в том числе и уголовно наказуемых деяний: несанкционированных публичных мероприятий, уклонение от прохождения военной службы, массовые беспорядки и т.п. Кроме того, при совершении предусмотренного ст. 207.3 УК РФ преступления нарушается базовое конституционное право российских граждан на получение достоверной информации.

Заведомо ложная информация в смысле, вложенном законодателем в ст. 207.3 УК РФ, представляет собой не соответствующие действительности сведения, недостоверность которых известна виновному в момент совершения преступления. Главная характеристика фейковой информации состоит в том, что она, являясь полностью или же частично ложной, подается распространяющим ее субъектом в качестве истинной [Головацкая, 2019, 141].

Следует обратить внимание на то, что, если лицо искренне убеждено в достоверности распространяемой им информации, но «подкрепляет» ее сфальсифицированными доказательствами, его действия при наличии иных предусмотренных законодательством признаков также подлежат квалификации по ст. 207.3 УК РФ. Субъективная убежденность лица в достоверности публично распространяемой им информации не дает ему право утверждать в публичном пространстве факт ее объективной достоверности.

17 июня 2022 года ученый совет Российского федерального центра судебной экспертизы (РФЦСЭ) при Министерстве юстиции РФ выпустил два письма, посвященных методике проведения лингвистических и психолого-лингвистических экспертиз. В первом письме раскрываются особенности производства экспертиз по делам о заведомо ложной и недостоверной информации (ст.ст. 207.1, 207.2, 207.3 УК РФ, ч.ч. 9, 10, 10.1, 10.2 ст. 13.15 КоАП РФ). Второе письмо посвящено экспертной деятельности по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 20.3.3 КоАП РФ и 280.3 УК РФ.

Авторы методических рекомендаций абсолютно верно исходят из того, что выступающее в

качестве объекта экспертизы «сообщение» должно быть оценено «только с учетом контекста его размещения и коммуникативной ситуации». В задачи эксперта входит решение вопроса о том, является ли анализируемое сообщение «утверждением о фактах и событиях». Тем самым ключевую роль для вменения состава ст. 207.3 УК РФ играет «установление способа подачи содержащейся в материале информации». При этом установление достоверности информации относится к прерогативе следствия и суда, а не эксперта-лингвиста. Только в том случае, если эксперт пришел к выводу о том, что «информация подается в виде утверждения о фактах и событиях», то это «позволяет правоприменителю установить ее ложность или достоверность». Если же информация выражена в виде не утверждения, а мнения лица, оно не может быть привлечено к уголовной ответственности по ст. 207.3 УК РФ.

Смысл словосочетания «призывы к воспрепятствованию использования», содержащегося в диспозициях ст. 20.3.3 КоАП РФ и 280.3 УК РФ, ученый совет РФЦСЭ при Министерстве юстиции РФ раскрывает как «побуждение (в том числе в форме призыва) к противодействию функционированию» Вооруженных Сил РФ или к «противодействию исполнению» государственными органами своих полномочий. Автор высказывания должен считать «необходимым, целесообразным» «недопущение» использования Вооруженных Сил РФ, «выражать свое негативное эмоционально-смысловое отношение» к ситуации, давать положительную оценку действиям по прекращению использования Вооруженных Сил РФ или обосновывать его правильность. Цель автора высказывания должна состоять в побуждении к действиям по недопущению использования Вооруженных Сил РФ, а с психологической точки зрения высказывание должно формировать у адресата «представление о невозможности (опасности, невыгодности и т.п.) бездействия».

Под «дискредитацией» использования Вооруженных Сил РФ и государственных органов авторы методического письма понимают «убеждение в негативном характере целей» их использования. Речь в таком высказывании должна идти о том, необходимо или же нет использовать Вооруженные Силы РФ или государственные органы. При этом цели использования Вооруженных Сил РФ должны обязательно характеризоваться как не соответствующие целям защиты интересов Российской Федерации, ее граждан, поддержания мира и безопасности, «что может быть выражено номинациями «военная агрессия», «захватническая война», «фашистская война» и пр.». Действия Вооруженных Сил РФ должны беспелляционно оцениваться как вредные и опасные. Целью высказывания должно быть «убеждение». Аналогичным образом следует трактовать и высказывания о деятельности госорганов за рубежом.

Тем самым по ст. 207.3 УК РФ квалифицируется ложное утверждение о факте или событии, касающееся предусмотренных ее нормами обстоятельств. В свою очередь, выражение в различных формах негативного мнения об указанных обстоятельствах подлежит квалификации по ст. 20.3.3 КоАП РФ или 280.3 УК РФ в зависимости от того, находится ли виновное лицо в состоянии административной наказанности.

Заключение

Можно констатировать, что сегодня правоохранительные органы имеют в своем распоряжении довольно эффективный и удобный для использования арсенал уголовно-правовых средств противодействия информационным посягательствам. При этом уголовное законодательство не находится в статичном состоянии и должно оперативно модернизироваться в соответствии с бурно изменяющимися общественными отношениями.

Библиография

1. Бугера Н.Н., Лихолетов А.А., Лихолетов Е.А. Публичное распространение заведомо ложной информации о деятельности Вооруженных Сил Российской Федерации: некоторые вопросы толкования уголовного закона // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2022. № 2 (61). С. 25-30.
2. Головацкая О.Е. Значение и происхождение термина «fake news» // Коммуникология. 2019. № 2. С. 139-152.
3. Грищенко Л.Л., Измайлов А.А. Несистемная оппозиция – современная угроза общественной безопасности // Академическая мысль. 2022. № 2 (19). С. 183-189.
4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ.
5. Козаченко И.Я., Сергеев Д.Н. Новая криминализация: философско-юридический путеводитель по миру преступного и непроступного. Екатеринбург: SAPIENTIA, 2020. 256 с.
6. Кушхов Х.Л., Мухтаров Д.Д. О потенциале фейков в современных информационных войнах // Журнал прикладных исследований. 2022. № 6. С. 81-84.
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности».
8. Свердловское УФСБ объяснило, что такое «дискредитация ВС РФ». URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5357212>
9. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ.
10. Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму».
11. Шамаев А.М., Болобан М.Л. Вопросы правоприменительной практики при квалификации деяний, подпадающих под ст. 280.3. УК РФ «Публичные действия, направленные на дискредитацию использования Вооруженных сил Российской Федерации» // Образование и право. 2022. № 4. С. 186-190.

Novels of legislation on liability for terrorist crimes committed by non-violent means

Andrei N. Kurdukov

Postgraduate,
Ural State Law University,
620137, 21, Komsomol'skaya str., Yekaterinburg, Russian Federation;
e-mail: porayko@mail.ru

Abstract

The author considered the novelties of the Criminal Code of the Russian Federation, included in it in February 2022. The author substantiates that the acts criminalized by Articles 207.3, 280.3 and 280.4 of the Criminal Code of the Russian Federation are classified as terrorist crimes. The analysis of the problems of qualification of acts under articles 207.3 and 280.3 of the Criminal Code of the Russian Federation was carried out, and proposals were made for their further improvement. The author considers it necessary to abandon the use of administrative prejudice in Art. 280.3 of the Criminal Code of the Russian Federation due to the significant public danger of the act, as well as the low preventive potential and the contradiction of this norm with the principles of criminal law. It is also proposed to criminalize public actions aimed at discrediting the use of those named in Art. 280.3 of the Criminal Code of the Russian Federation for the purposes of the armed forces of other states allied with respect to our country, as well as volunteer paramilitary formations. The author considers it appropriate to make similar additions to Art. 207.3 of the Criminal Code of the Russian Federation. In addition, a recommendation was made to the Supreme Court of the Russian Federation to prepare and publish clarifications on the qualification of acts under Articles 207.3, 280.3 and 280.4 of the Criminal Code of the Russian Federation as soon as possible.

Andrei N. Kurdukov

For citation

Kurdukov A.N. (2022) Novelty zakonodatel'stva ob otvetstvennosti za prestupleniya terroristicheskoi napravlenosti, sovershaemye nenasil'stvennymi sposobami [Novels of legislation on liability for terrorist crimes committed by non-violent means]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 13 (1A-2A), pp. 360-367. DOI: 10.34670/AR.2023.48.38.046

Keywords

Terrorist crimes, special military operation, false information, discredit, Armed Forces of the Russian Federation.

References

1. Bugera N.N., Likholetov A.A., Likholetov E.A. (2022) Publichnoe rasprostranenie zavedomo lozhnoi informatsii o deyatelnosti Vooruzhennykh Sil Rossiiskoi Federatsii: nekotorye voprosy tolkovaniya ugolovnogo zakona [Public distribution of deliberately false information about the activities of the Armed Forces of the Russian Federation: some issues of interpretation of the criminal law]. *Vestnik Volgogradskoi akademii MVD Rossii* [Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2 (61), pp. 25-30.
2. *Federal'nyi zakon ot 06.03.2006 № 35-FZ «O protivodeistvii terrorizmu»* [Federal Law No. 35-FZ of 06.03.2006 “On Combating Terrorism”].
3. Golovatskaya O.E. (2019) Znachenie i proiskhozhdenie termina «fake news» [The meaning and origin of the term “fake news”]. *Kommunikologiya* [Communicology], 2, pp. 139-152.
4. Grishchenko L.L., Izmailov A.A. (2022) Nesistemnaya oppozitsiya – sovremennaya ugroza obshchestvennoi bezopasnosti [Non-systemic opposition as a modern threat to public security]. *Akademicheskaya mysl'* [Academic thought], 2 (19), pp. 183-189.
5. *Kodeks Rossiiskoi Federatsii ob administrativnykh pravonarusheniyakh ot 30.12.2001 № 195-FZ* [Code of the Russian Federation on Administrative Offenses dated December 30, 2001 No. 195-FZ].
6. Kozachenko I.Ya., Sergeev D.N. (2020) *Novaya kriminalizatsiya: filosofsko-yuridicheskii putevoditel' po miru prestupnogo i neprestupnogo* [New criminalization: a philosophical and legal guide to the world of the criminal and impregnable]. Yekaterinburg: SAPIENTIA Publ.
7. Kushkhov Kh.L., Mukhtarov D.D. (2022) O potentsiale feikov v sovremennykh informatsionnykh voinakh [On the potential of fakes in modern information wars]. *Zhurnal prikladnykh issledovaniy* [Journal of Applied Research], 6, pp. 81-84.
8. *Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 28.06.2011 № 11 «O sudebnoi praktike po ugovnym delam o prestupleniyakh ekstremistskoi napravlenosti»* [Decree of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated June 28, 2011 No. 11 “On judicial practice in criminal cases of extremist crimes”].
9. Shamaev A.M., Boloban M.L. (2022) Voprosy pravoprimeritel'noi praktiki pri kvalifikatsii deyanii, podpadayushchikh pod st. 280.3. UK RF «Publichnye deistviya, napravlennye na diskreditatsiyu ispol'zovaniya Vooruzhennykh sil Rossiiskoi Federatsii» [Issues of law enforcement practice in the qualification of acts falling under Art. 280.3. Criminal Code of the Russian Federation “Public actions aimed at discrediting the use of the Armed Forces of the Russian Federation”]. *Obrazovanie i pravo* [Education and Law], 4, pp. 186-190.
10. *Sverdlovskoe UFSB ob "yasnilo, chto takoe «diskreditatsiya VS RF»* [The Sverdlovsk FSB explained what “discrediting the RF Armed Forces” means]. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/5357212> [Accessed 12/12/2022]
11. *Ugolovnyi kodeks Rossiiskoi Federatsii ot 13.06.1996 № 63-FZ* [Criminal Code of the Russian Federation of June 13, 1996 No. 63-FZ].